

Глава 16

Размышления о власти

Первый Президент в Советском Союзе появился 15 марта 1990 года. Шел Третий внеочередной съезд народных депутатов СССР. Решение о президентском правлении созрело так срочно, что пошли на созыв внеочередного съезда. Я такой срочности не понимал, так как после Второго съезда народных депутатов, где этот вопрос даже не обсуждался, прошло лишь два с половиной месяца. Честно говоря, я не понимал и другого: как разделять сферы деятельности две исполнительные власти — Президент и Совет Министров? Кто чем станет заниматься? Не будут ли эти власти дублировать друг друга? Или, более того, мешать друг другу?

К тому же я слишком хорошо помнил совсем недавние — года еще не прошло — категорические, резкие отповеди Горбачева межрегионалам, пытавшимся убедить депутатский корпус в необходимости введения института президентства. Горбачев был против. Я его искренне поддерживал. Но вскоре он свою позицию изменил. Видимо, чувствовал, как теряет очертания, а значит, и силу его власть Генерального секретаря ЦК КПСС. Напомню, что в декабре 1989 года на Втором съезде уже были попытки включить в повестку дня вопрос об исключении из Конституции шестой статьи, говорящей о роли партии в обществе и государстве. Было совершенно очевидно, что здесь дело только во времени. Партия на глазах теряла свое бывшее неограниченное влияние на всю жизнь страны. Председатель Верховного Совета СССР, где сосредоточилась законодательная власть, не мог решать вопросы управления государством: он практически стал спикером в парламенте. Полагаю, Горбачев понимал, как медленно, но неуклонно отодвигают его от власти.

Естественно, для введения нового института государст-

венной власти потребовалось опять изменить Конституцию. К этому времени такая практика стала прямо-таки системой. И, оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что неуважительное и явно пренебрежительное отношение к исполнению законов в стране началось с легкого обращения с Основным законом государства. Между тем в странах с устойчивой политической обстановкой стараются с максимальной осторожностью менять Конституцию, понимая, что она является одним из важнейших факторов стабильности в государстве.

Возьмите Конституцию США. Она была принята, как известно, в 1787 году. За двести лет в нее было внесено только 26 поправок! Что касается царской России, то она Конституции не имела. Были так называемые Основные государственные законы, в которые революция 1905 года внесла лишь некоторые статьи буржуазно-демократического порядка.

За семьдесят лет Советской власти были приняты четыре Конституции — в 1918, 1924, 1936 и 1977 годах. В народном быту они имели соответствующие названия — ленинские, сталинская (это название широко использовалось и в официальной пропаганде) и брежневская. С 1988 года началась обвальная и бесцеремонная перекройка последней из них, изменения коснулись половины статей. Но с этими поправками страна прожила всего год. В 1990 году Конституция менялась уже дважды. В начале — для введения президентства и новых государственных органов: Президентского совета и Совета Федерации. В конце — для ликвидации Совета Министров СССР как главной исполнительной и распорядительной государственной власти и устранения Президентского совета, введения должности вице-президента и т. д. Подобная же участь постигла Конституцию в 1991 году, а в декабре она и вовсе ушла в Историю. Такое легкое отношение к Основному закону государства хорошо выразил один небезызвестный народный депутат, сказав, что мы относимся к Конституции, как к уличной девке. И он был недалек от истины.

Дурной пример заразителен. Еще более бесцеремонно и цинично нынешняя власть поступила с Конституцией России. Я не собираюсь здесь давать хронологию манипулирования с ней. Оно еще слишком свежо в памяти читателей. Напомню лишь, что в конце концов ее просто растоптали, а после октябрьских событий 1993 года быстро состряпанный проект новой Конституции был поставлен на референдум.

До сих пор идут споры, сколько процентов населения проголосовало за нее и принята ли она вообще? Даже во времена Сталина обсуждение проекта Конституции проводилось почти полгода и поступило около двух миллионов различных дополнений и поправок. Активно и весьма результативно обсуждало население страны и Конституцию 1977 года.

Впрочем, ступив на путь кощунства, как и предательства, судя по опыту нынешних властителей, остановиться уже невозможно. Этот образ мыслей и действий становится нормой. В самом деле, в истории СССР и России было пока только два президента. И тот, и другой во время своей инаугурации, произнося слова клятвы, держали руку на Конституции. При этом один из них, Ельцин, 10 июля 1991 года, вступая в должность Президента РСФСР, клялся соблюдать Конституцию и другие законы России, а затем на глазах страны и всего мира вытер о них ноги и, расстреляв парламент, навязал обществу свою, под него писанную Конституцию. Его коллеги из «ближнего зарубежья» сделали выводы из этого опыта и теперь клянутся на Библии или Коране. Может быть, так вернее?

Вернемся, однако, к первому Президенту — Горбачеву. Вспомним, как это происходило, — кажется, что вчера только, — как легко и по-театральному празднично выбрали на Третьем съезде из одного кандидата одного Президента. Мой добрый знакомый депутат Г. С. Игитян сокрушался: мол, неужто не воспитали мы многих достойных?

Позвольте, возразят мне мои оппоненты, ведь была же альтернатива. Вас самого кандидатом в президенты выдвигали, а еще и министра внутренних дел Бакатина. Кто ж вас заставил отказываться, снимать свои кандидатуры, оставлять безальтернативного Горбачева в гордом одиночестве?

Почему Бакатин от «соревнования» отказался, не знаю, он мне о том не говорил, как и о многом другом. А я отлично знал, что делал, когда выходил на трибуну Дворца съездов с импровизированной короткой «отказной» речью. У меня имелись в то время веские причины не рваться на президентскую должность. Об одной в той речи и сказал: «Я несу моральную ответственность за работу Правительства, за экономические неурядицы, сложности, которые сегодня существуют в стране. Я работаю четыре с половиной года Председателем Совета Министров и просил бы вас дать мне возможность в дальнейшем отвечать за экономику,

социальное развитие страны... Я поставил свою подпись под программой экономического оздоровления страны и несу ответственность за ее выполнение».

Так я считал. Я имел свое дело, в котором, как говорится, пахать — не перепахать. Бросать несделанное даже не на подороже, а в самом ее начале, я не привык.

Но были и другие причины. Первая — я не умел, не умею и уже, к счастью, не научусь поступать непорядочно по отношению к тем, с кем свела судьба, с кем делил тяготы долгого пути по жизни. Другое дело, что разные попутчики-спутники за четыре с лишним десятка лет моей сознательной жизни (детство и отрочество в расчет не беру) не раз поступали по отношению ко мне не слишком порядочно, мягко говоря. Но уж это — дело их совести. А моя мне иное диктует. И на этот раз она диктовала мне снять свою кандидатуру с голосования.

Но были и еще причины моего отказа баллотироваться на пост Президента. Сегодня одна из них покажется кому-то несерьезной и не убедительной. Но это сегодня. Давайте перенесемся в начало 90-го года. Пленум ЦК КПСС накануне Съезда принял решение выдвинуть на пост Президента страны Горбачева. Я за это голосовал и считал себя обязанным выполнять партийные решения, которые сам и поддерживал. Хотя партия уже находилась в то время в очень тяжелом положении, и на этом же Съезде была аннулирована шестая статья Конституции, тем не менее партийные дисциплина и этика еще были устойчивы во многих из нас.

Горбачев, почувствовав, как я только что сказал, эффективность власти спикера Верховного Совета и резкое снижение своего влияния на государственные дела как Генерального секретаря ЦК, стремился к реальной власти, которую он еще совсем недавно имел в этом качестве.

За годы работы рядом с Горбачевым я изучил его характер. Это — властолюбивый человек, который хочет быть лидером всегда, везде и во всем, невзирая на то, есть ли у него для этого данные. Впрочем, как человек самовлюбленный, он уверен, что эти данные у него есть. Известно — я не раз читал об этом то в одной книге, то в другой, — что желание власти не появляется вдруг. Оно живет в человеке с рождения и в той или иной мере записано в его генетической структуре. Умей мы ее расшифровывать, знали бы заранее: вот этот нахальный новорожденный станет новым Наполеоном, тот тихий младенец — «серым кардиналом» Ришелье или Суловым, из того умненького по-

лучится Макиавелли, а этот говорунчик будет первым Президентом великой державы.

И, наконец, последнее. Я никогда не рвался к власти, никогда не считал ее самоцельной и самоценной. Мне довелось подниматься по служебной — или карьерной, как кому нравится, — лестнице, ступая лишь на те ступеньки, которые вели к простой и ясной цели: быть все более полезным делу, которое я изначально выбрал. Именно дело — цель. Власть же — только средство. И дело это было производство, хозяйство, а не политика. К тому же я не очень-то, повторяю, понимал, что такое в нашей державе президентская власть, нужна ли она ей? И как она впишется в систему государственного управления?

Меня сейчас часто спрашивают, какие ошибки я допустил в своей жизни. Я отвечаю, что, как любой человек, проживший немало лет, я их не избежал. К сожалению, их было немало. Но одной из главных моих ошибок явился отказ — независимо от сомнений, о которых я только что рассказал, — стать кандидатом в президенты Союза. Полагаю, что в то время я бы эти выборы выиграл. И у меня сохранилась надежда и уверенность, что страна не оказалась бы в нынешнем положении — раздробленной, униженной и оскорбленной. Она нашла бы свой путь к истинной и реальной демократии, свое достойное место в мире. Да, это была моя главная ошибка последних лет.

Сказано: всякая власть — от Бога. Рождались русские княжества по Днепру и по иным рекам, вольно правили ими князья Больших и Малых Столов, передавали власть по наследству — от отца к сыну, внуку, правнуку. Собирали они под свою сильную руку разные земли, создавали единое государство. Наследники нарекались царями, получали звание «самодержца», вплетали в пышную вязь царского титула все новые и новые составляющие. И никто из тех, что беспрекословно подчинялись этой власти, и не помышляли даже усомниться в ее высшем происхождении и высочайшем предназначении. Она не могла подвергаться сомнению с чьей-либо стороны, это обязательно было для русского столования. Конечно, у руководителя государства могли быть сомнения в том или ином вопросе. Но когда они, сотни раз проигранные, продуманные, отменялись, тогда начиналось Дело.

Оно могло носить название «Собирание Московского княжества», «Битва под Казанью», или «Строительство Санкт-Петербурга», или «Взятие Азова». По-разному оно могло

зваться, но сначала всегда был вопрос: зачем? Для чего нужна высшая власть? Помните пушкинское: «Достиг я высшей власти...» И дальше — мучительные сомнения Годунова: зачем? И сегодня, в конце двадцатого века, спрашиваю я, далекий ныне от всякой власти человек: и верно, зачем она — такая? Может быть, как раз затем, чтобы собирать, а не разрушать?!

В истории России тому примеров — тьма. Владимир Мономах, бившийся за единение Руси и в своем знаменитом «Поучении» призывавший к тому своих сыновей. Иван Данилович по прозвищу Калита жизнь положил на основание могущества — политического и экономического — Московского княжества. Тиран и деспот Иван Грозный сражался за Казань и за Астрахань. Петр Великий воевал шведов и рубил на болотах «окно в Европу». Екатерина, тоже Великая, трудно расширяла границы Руси Великия, Белья и Малыя на юге и западе.

Или — отвлечемся от России. Авраам Линкольн объединил Штаты. «Железный» Бисмарк огнем и мечом прошел почти по двум сотням германских княжеств, герцогств, курфюрств, чтобы создать единую Германию. Лишь та власть осталась в благодарной памяти потомков, что собирала, строила, а не разрушала. Хотя, конечно, трудно забыть, во сколько людских судеб и жизней обходилось иное собирательство или строительство.

И вот здесь возникает тот вопрос, который всегда стоял передо мной: нравственна ли власть как таковая? Можно ли, прикоснувшись к ней, сохранить руки, а точнее, совесть незапятнанной?

Великий сатирик и фантаст Джордж Оруэлл в своей книге «1984» написал: «Власть состоит в том, чтобы причинять боль и унижать». И он же сделал вывод: «Невозможно построить цивилизацию на страхе, ненависти и жестокости. Она не устоит».

Мои соратники по Правительству, анализируя сейчас его деятельность, ее плюсы и минусы, в основном сходятся в оценках совместно пройденного пути. Но есть вопрос, по которому нет единого мнения. Это проблема нравственности в большой политике — на примере нашего Правительства. Что важнее: нравственное поведение Правительства или его конечные цели? Можно ли и как именно соединить цели и средства их достижения? Кое-кто из моих коллег полагает, что по своей сути политика безнравственна, и поэтому судьба нашего Правительства, пытавшегося ра-

ботать в рамках элементарной порядочности, была predetermined.

Над подобными вопросами люди спорят веками. В чрезвычайно сложной и пестрой картине истории человечества перекликаются расцвет и падение государств, взлеты и падения науки и культуры, низкие и благородные поступки, доблесть и трусость, коварство и простодушие «великих» и «малых» мира сего и т.д. Извечная борьба добра и зла. В связи с этим даже возникло понятие «макиавеллизм» — политики, считающей, что для достижения какой-либо государственной цели все средства хороши, независимо от моральных критериев. Недаром теоретики фашизма взяли на вооружение этот тезис. Впрочем, он всегда, как и любые неблагоприятные поступки, прикрывался фиговым листком «необходимости» — «государственной» и даже «исторической».

Ведь кто определяет, что обществу действительно необходимо, что государство может и должно делать, а что недопустимо в любой ситуации? Как правило, это понятие — необходимость — в конечном счете наполняют нужным им содержанием те, кто находится у власти или рвется к ней. Мы уже много раз видели, что «необходимость» можно толковать по-разному да и использовать не всегда в нужных обществу целях.

Я твердо убежден, например, что необходимости разрушения единого государства не было. Его надо было реформировать, а не расчленять на куски. Не было необходимости замены социалистического строя капиталистическим. Его надо было совершенствовать, а не уничтожать. Не было необходимости в «шоковой терапии» при переходе на рыночные отношения. Переход был нужен, но постепенный, эволюционный. А разве была необходимость Ельцину в упор расстреливать Российский Белый дом вместо того, чтобы сесть за стол переговоров со свдими же вчерашними соратниками?

Перечень таких очевидно ложных, якобы «государственных необходимостей» можно продолжать до бесконечности. И они ярче, чем что бы то ни было, показывают: в основе самых тяжких деяний нынешних властей лежат не подлинно государственные, общественные, а сугубо личные амбициозные мотивы — любой ценой удержаться у власти, не останавливаясь даже перед прямым предательством собственной страны и своего народа.

Еще задолго до нашей эры великий грек Софокл утвер-

ждал, что нравственное начало в человеке есть самая большая его тайна, самое большое чудо. Думаю, что эта мысль должна относиться и к политикам. Жизнь постоянно напоминает нам о том, что политические действия имеют только тогда подлинную, непреходящую ценность, когда они опираются на мораль, на нравственность. Действительно, отсутствие моральных принципов, особенно в действиях лидеров, может сказаться на судьбах народа самым роковым образом. И экономические успехи, и политическая, и социальная стабильность, и психологическое самочувствие общества при определенных безнравственных действиях руководителей высшего ранга могут быть разрушены. Нравственность мстит пренебрегающим ею, и никому — ни человеку, ни обществу — не дано право попираť ее законы. Позволю себе процитировать мудрые слова одного из наших современников: «Мораль должна быть посредницей между совестью и умом. Совесть — глубина, ум — свет; мораль нужна, чтобы свет прояснял глубину».

Наше Правительство было нравственным, и нам, членам его, не надо посыпать пеплом свои головы. Разве мы могли пойти по пути Гайдара, который в одночасье лишил мизерных сбережений людей, обобрав в первую очередь стариков? Я хочу напомнить, что летом 1990 года мы приняли решение досрочно, раньше из 3—4 года, выплатить 6 миллиардов рублей по долгам государственных займов 50-х годов. Положение с финансами было сложное, и тем не менее мы сочли своим моральным долгом перед намечавшимся повышением цен — ничтожным по сегодняшним меркам! — вернуть деньги тем, кто в самые тяжелые годы жизни страны отдавал ей свой труд, свои средства.

В последний год нашей работы средства массовой информации нас всячески, буквально садистки избивали и оскорбляли. Мы вели себя в этой трудно описуемой атмосфере дружно и сплоченно, а когда наступило время, ушли достойно. Никто из нас не сбегал до самой «кончины» Правительства Рыжкова. Мы не предали друг друга, не перебежали, не персползали, не лизоблюдничали. Все мы, кроме одного из моих заместителей, полагали, что собственное человеческое достоинство важнее социального, служебного и материального положения.

С проблемой нравственности власти тесно связана проблема твердости в управлении государством. Кое-кто полагает, что это — взаимоисключающие понятия. Думаю, однако, что оба они могут и должны быть соединены через

строжайшее, неукоснительное следование Закону. Он — опора и нравственности, и твердости в государственном управлении.

Так уж устроены и общество, и человек, что для нормального функционирования государства необходимо обязательное соблюдение всеми его законов. Но, как известно, законы и правила в силу разных причин определенная часть общества старательно нарушает. По отношению к таким людям я выступал всегда за твердость и даже жесткость, но, конечно, не за самодурство и самоуправство. Еще большую остроту проблема соотношения нравственности и твердости приобретает тогда, когда речь идет о борьбе за власть. Сколько людей полегло в этой борьбе, нередко благородной, проникнутой духом социального прогресса. Но сколько и грязи, жестокости, цинизма, лжи несет с собой борьба за власть, когда она становится самоцелью, для достижения которой растаптываются судьбы миллионов, судьбы страны!

Кто же способен воспитывать, в том числе у будущих политических деятелей, уважение к каждому человеку — к его правам, к самой его жизни? Конечно, писатели, мыслители, философы, которые всегда думали над этими проблемами и вошли в жизнь народа как просветители, как его совесть. Полагаю, что в настоящее время и религия выступает со своим учением в этом же русле. Но нет, увы, правил без исключения: после расстрельного октября 1993 года я прочитал в одной из газет статью ученого-богослова и был поражен, когда, говоря о заповеди из Нагорной проповеди: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими», сей проповедник заявил: «Президенту можно предъявить серьезные претензии. Неужели он не понимал, что ему придется иметь дело с уголовными элементами — Руцким, Хасбулатовым и К^о? С такой публикой следует действовать быстро и решительно. Все эти оттяжки и «миротворчество» оказались здесь совершенно неуместными...» А дальше еще страшней и мракобесней: «Когда же наш народ можно будет считать имеющим здоровую нравственную основу? Отвечу со всей определенностью: когда вырастет поколение, которое не будет прощать ничего, никому и никогда».

Уверен, что это — не официальная позиция нашей всегда миротворческой православной церкви.

Я люблю историю, перечитываю и старомодного Карамзина, и по-профессорски строгого Ключевского, и недавно открывшегося мне увлекательного беллетриста-историка Ва-

лишевского. Люблю собирать книги, рассказывающие о тех или иных вехах в нашем прошлом, и, к слову, постоянно перелистываю прекрасно сохранившееся трехтомное дореволюционное издание «Истории Совета Министров», подаренное мне моим добрым знакомым художником Ильей Сергеевичем Глазуновым. Вглядываясь в портреты российских самодержцев, думаю: что позволяло им крепко держать в своих руках бескрайнюю империю, единое государство? Ведь не безоглядная же вера народа в то, что «всякая власть от Бога»? Это в каком-нибудь двенадцатом веке, в шестнадцатом — допускаю, а в семнадцатом на нее Степан Разин уже посягнул, в восемнадцатом — Емельян Пугачев, а в девятнадцатом декабристы разбудили Герцена...

Тогда что же позволяло? Сила? Царская власть силой никогда не брезговала, хотя и не злоупотребляла ею бесконечно. Сила была отмеряна умной мерой, а что сверх нее — от разума шло. Национальная политика царских правительств была, вопреки сложившемуся в советские годы мнению, весьма гибкой.

Но как же национальные восстания против царского режима, спросят меня, как же безжалостное, с кровью, их подавление? Я вовсе не идеализирую русских царей. Да, почти все они начинали свое правление с гуманистических, как сказали бы теперь, деклараций, а кое-кто и того, что нынче зовется популизмом, не избегал. Но все без исключения довольно скоро заканчивали игры в гуманизм, поскольку они посягали на крепость власти, а значит, и государства. Смело утверждать, хотя и рискуя быть обвиненным в историческом дилетантизме: авторитарная власть, которая может быть оправдана только в каких-то особо экстремальных условиях жизни страны, в принципе закономерно приходит к бесконтрольной жесткости и жестокости, а значит, к невозможности построить истинно цивилизованное общество.

Крах царизма был неизбежен, как бы ни старались опровергнуть этот вывод новоявленные защитники этой формы правления. Власть монархии нехотя отступила под ударами тех, кто не желал верить, что она — навеки. В феврале 1917 года на смену устаревшим, недееспособным порядкам пришла демократия, которая попыталась объединить партии, по-разному представлявшие себе дальнейшее развитие страны. Но страна, недавно бывшая единой, великой и сильной, рассыпалась на части. Плюс неоконченная война.

Плюс бешеные национальные амбиции. Плюс разложившаяся армия. Плюс призрак гражданской войны. Плюс нищета и голод. Нет ли каких-то аналогий с днем нынешним?

Я не собираюсь писать некий философский трактат о власти. Это не мое дело. Но, повторяю, любя историю, я привык частенько сверять с ней день нынешний. А в нем я, в частности, довольно долго шел бок о бок с человеком, который стремился к обладанию всей полнотой власти и почти обрел ее. Но только ли случай помешал ему осуществить провозглашенное или все же в этом заключалась какая-то историческая закономерность? В поисках ответа на этот вопрос давайте еще немного продолжим наш экскурс в прошлое страны.

В октябре 1917 года большевики взяли власть в свои руки и немедленно начали строить царство свободы, а значит — демократии. Именно о свободе для своей страны, о ее демократическом развитии мечтали революционеры еще в глубоком подполье и в далекой эмиграции. Но они знали, что демократия и власть — не антиподы, что безбрежная демократия есть род анархии. В условиях же революционного слома старого, буржуазного строя, острой борьбы классов необходима не просто власть, а полновластие. Иными словами — диктатура пролетариата.

Ленин был борцом за свои идеи. До прихода к власти он бешено спорил с оппонентами, а получив ее, запретил политическую оппозицию. Но именно с его одобрения печатались антисоветские рассказы, расцветали футуристы и акмеисты, молодежь устраивала «суды над Лениным». И как бы теперь к нему кое-кто ни относился, в гениальности ему отказать трудно. Он, как тонкий барометр, чувствовал то, что диктовала сама жизнь. Военный коммунизм взорвался Кронштадтским мятежом, Тамбовским восстанием. И Ленин объявил новую экономическую политику (нэп), заменив, прежде всего, продразверстку достаточно здравым продналогом.

Заметьте: он не посягнул на политическое устройство, он не допустил плюрализма в этой сфере. Но он его «впустил» в экономику! Введенная нэп представляла собой вариант типично рыночной экономики, присущей России. Она еще не успела забыть ее: с момента начала Первой мировой войны, когда экономика страны, естественно, перешла на военные рельсы, прошло лишь шесть с половиной лет. Это было весной 1921 года. Ленину оставалось жить всего ничего, через год уже здоровье его резко пошло на спад. Поэтому

мы можем только гадать, как повела бы себя власть, названная диктатурой пролетариата, по отношению к окрепшим рыночным структурам. Полагаю, — беру на себя такую смелость, — что Ленин вряд ли допустил бы насильственное удушение рынка. Ведь, ратуя за нэп, он говорил об экономическом соревновании различных форм собственности, а главное — он опять-таки понимал: народ должен быть сыт, одет-обут, ощутить реальное и значительное улучшение своей жизни, чтобы безоговорочно поверить в революционные идеи. Для этого и нужен был экономический плюрализм.

Величие Ленина в истории останется непоколебимым, несмотря на продолжающиеся попытки развенчать его как политика и человека, на мой взгляд, еще и потому, что он ушел с политической арены и из жизни в самом расцвете сил. Что случилось бы с ним, его мировоззрением, его восприятием власти дальше, можно только предполагать. И любые домыслы на этот счет, особенно если учесть, что он был гениальным и стратегом, и тактиком, были бы одинаково бездоказательны.

Ну, а вслед за Лениным, всем известно, пришел Сталин.

Как бы его ни осуждали одни, как бы ни возносили другие, но, если рассуждать о роли личности в Истории, то следует заметить: и личность была, и роль тоже. Другое дело, что однозначно оценить невозможно ни самого Сталина, ни его место в истории нашей многострадальной Отчизны. Если кого-то интересует мое мнение, то оно таково: я не принадлежу к числу его апологетов, но раз уж взялся за книгу, то следует быть максимально объективным, а это требует сказать, что Сталин, подобно своим царственным предшественникам (если помните, он превозносил Ивана Грозного и Петра Великого), страну собирал.

Более того, История никогда не забудет, что именно Сталин был тем Верховным Главнокомандующим, под руководством которого Советский Союз разгромил фашизм. «Великие жертвы, приносимые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, возложенный на алтарь отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом», — такими словами подвел он 9 мая 1945 года итог беспрецедентного подвига советских людей.

А между тем в дни, когда отмечалось 50-летие Победы, политические руководители страны не произнесли не только

имени Верховного Главнокомандующего в Великой Отечественной, но и таких слов, как Советский Союз, советский народ...

Вернемся, однако, к размышлениям о природе власти. Однажды мне попала в руки редчайшая книга — «Государь» Макиавелли, изданная в Санкт-Петербурге в 1869 году. Редчайшей она была не из-за времени или качества издания — нет, обычная книжка, отнюдь не раритет. Но уникальность экземпляра, который я получил, заключалась в том, что именно его читал Сталин. В тексте сохранились его пометки — подчеркнутые строки, выделенные главы, фразы, слова. Честное слово, книга эта с пометками дала мне в тысячу раз больше для понимания личности Сталина, нежели все его биографии, все фильмы о нем, все воспоминания друзей и врагов.

В ней можно было найти объяснение многих шагов, сделанных главой государства, который положил в основу своего правления знаменитый «учебник диктаторов», написанный еще в XVI веке. Иногда мне думается: собрать бы все подчеркнутые Сталиным цитаты, бесхитростно разместить подряд и издать этаким дайджест из Макиавелли. И не нужны будут тогда ни Волкогонов, ни еще кто-либо из политологов — биографов и толкователей Сталина... Но это — к слову. А к делу — Сталин понимал, получив власть над страной, еще только начавшей с помощью новой экономической политики выходить из разрухи, что лишь централизация управления государством даст возможность построить собственное могущество, чтобы противостоять остальному миру, который Сталин считал враждебным, — да он и был таким.

«Неестественно, чтобы вооруженный стал охотно покоряться невооруженному» — карандашиком подчеркнул Сталин в «Государе». Он всегда ждал войны и старался изо всех сил оттянуть ее, чтобы построить достаточно сильную промышленность, работающую «на войну». Мышление его было державным, как и предписывал явно чтимый им автор. Ленинская нэп, с ее четкой акцентировкой на человека, мешала планам Сталина. Накормить — да, но лишь настолько, чтобы мог работать. Одеть — да, но только чтобы не замерз. Время на дворе стояло предвоенное. Враги были повсюду — и за границами, и внутри них, и подчеркнутая в «Государе» строчка гласила: «...без боязни могут быть Государи жестокими в военное время». Но Сталин, как известно, пошел намного дальше советов Макиавелли.

Власть вождя всех народов была бесчеловечной и в мирное время.

Еще раз процитирую Оруэлла: «Это будет мир террора — в такой жестепени, как мир торжества». Действительно, были построены Магнитка и Днепрогэс, Челябинский тракторный и Уралмаш, великое множество других предприятий, составивших славу отечественной индустрии. Наши корабли пробивались сквозь льды Арктики. Советские самолеты совершали невиданные перелеты, ставили рекорды высоты и грузоподъемности. Гремели имена Стаханова, Виноградовых — замечательных тружеников. Люди, как пелось в песнях тех лет, были исполнены энтузиазма и мужества. Триумф! Но рядом с ним разрастался террор. Архипелаг ГУЛАГ втянул в себя миллионы жертв. Такой чудовищный симбиоз мы обрели уже к середине 30-х годов. Он был противоречив как двуликий Янус. На одной стороне — поддержка масс, на другой — массовый же террор, лагеря, идеологические штампы, жесточайшая цензура... Все это будет загадкой для потомков.

Что полезнее, вопрошал Макиавелли, чтобы Государя любили или чтобы его боялись? И Сталин подчеркивал ответ: «Я нахожу, что желательно было бы, чтобы Государи достигали одновременно и того, и другого... но полезнее держать подданных в страхе».

Ну, ладно, Сталин достаточно ясен в своем гипертрофированном диктаторстве, которое вовсе не исключает с его стороны многих конструктивных для государства действий. Их цена для диктатора значения не имеет, ибо не волнует, поскольку он, имея решающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны, вместе с тем не отвечает ни за что ни перед законом, ни перед какой-либо другой властью, да, скорее всего, и перед собственной совестью.

Сталин — уникальная фигура во всей семидесятилетней послереволюционной истории нашей страны. Он не только продолжил, но и во многих отношениях превзошел представителей российского самодержавного абсолютизма. Ни до него, ни после него в истории СССР не было и, очень надеюсь, не будет ему подобных. Но феномен Сталина состоит даже не в его личности, сколько в той Системе, которую он создал для поддержания, укрепления и обожествления своей власти. Основную ставку Сталин делал на исполнительный аппарат, на чиновничество. Как и при прежних режимах, он создал особые условия для новой элиты, поставил ее в привилегированное положение. Его система развращала и портила многих людей.

Одним из важнейших элементов этой системы являлось обязательное и безграничное восхваление вождя — Сталина. Полагаю, ни один человек в мире ни до, ни после него не жил в условиях такого чудовищного по своим масштабам, государственно организованного славословия в свой адрес. В то же время страну окутал тотальный страх. Дамокловым мечом висел он над каждым, проникал везде, во все уголки — и страны, и души человека. Ленин создал партию как инструмент борьбы за власть, с помощью которой можно было бы обеспечить, говоря современным политическим языком, права человека, личности. Сталин превратил ее в инструмент борьбы против личности. Против любых ее прав. Ленинскую диктатуру пролетариата он трансформировал в свою личную диктатуру, а также диктатуру аппарата, прежде всего — партийного.

Понадобилась смерть Сталина в марте 1953 года, чтобы появилась «оттепель» Хрущева. Он не устрасился очистить партию от скверны тирании, хотя сказал и не всю правду. Далеко не всю. Но и того хватило, чтобы люди вздохнули свободнее. Хватило, чтобы партия если и не ожила вовсе, то хотя бы отошла от четвертьвекового нарушения элементарных партийных принципов. У коммунистов, в том числе и у меня, именно после XX съезда решившего вступить в партию, появилась надежда на демократическое развитие страны, на то, что новый лидер, Хрущев, развенчав Сталина, откажется от мысли о личной диктатуре. Так оно поначалу и было.

Еще раз хочу подчеркнуть: весь этот исторический экскурс — не более чем подступы к теме, которую я сформулировал бы в виде вопроса: почему в России (или в СССР) всякая власть, даже изначально демократическая, всегда стремится к авторитаризму? Вопрос вполне закономерен. Ведь исключений в нашей истории не было... Уж на какой демократической волне был избран президентом Грузии Звиад Гамсахурдия! Но прошло совсем немного времени, и демократия на глазах переросла в диктатуру. Началось преследование инакомыслящих. В результате — раскол общества, а за этим стрельба, кровь, смерть... Тут появился так называемый демократ Шеварднадзе и... сбросил законно избранного, при всем негативном отношении к нему, Президента. Стрельбы, крови и смертей стало во много крат больше. Из цветущего края Грузия превратилась в страну войны, голода и холода.

Да и Никита Сергеевич Хрущев начинал вполне демократично. Не случайно, повторю, середина 50-х была названа

«оттепелью», — если не ошибаюсь, с легкой руки Ильи Эренбурга. Интеллигенция получила долгожданную свободу слова, точнее — ее подобие, конечно, но после сталинских цензурно-расстрельно-лагерных времен и оно казалось великим благом. Хрущев невольно продолжил процесс «раскрепощения» крестьян, начатый его будущим политическим противником Г. М. Маленковым в 1953 году. Крестьяне обрели паспорта, а значит — относительную свободу передвижения. Молодежь, всегда особенно склонная к восторженно-романтической вере в идеалы, получила возможность проявить себя и в мирное время. Одно покорение целины в этом смысле чего стоит! Хрущев, в отличие от таинственного Сталина, был человеком открытым и понятным людям. Он «ходил в народ» охотно и бесстрашно, легко путешествовал по миру, кидал там в репортеров початки кукурузы и стучал башмаком по столу в Организации Объединенных Наций. Вроде бы, куда уж «демократичнее». Но он был воспитанником Сталина, его Системы, и в конце концов стремление к авторитаризму, а с ним и к культу собственной личности, оказалось в нем сильнее демократических начал.

Когда-то, очень давно, я разговорился со стариком переплетчиком, книжным мастером, умеющим книгу-развалюху превратить в подарочный том. Никогда не слыша о таких понятиях, как «авторитаризм» или «абсолютизм», он довольно точно и образно описал то, что регулярно происходило и происходит в нашей стране, — с точки зрения переплетчика, естественно. «В нашем деле как? — задал он риторический вопрос. — Переплел я книгу, сшил, где надо, проклеил, обрезал — и под пресс. Зажал накрепко. Но долго так нельзя, погубишь книгу. Надо винт прессы отвинтить, дать книге подышать малость. Подышала — опять завинтить. Потом опять отвинтить, чтоб еще подышала. И вновь зажать. Так и с народом власти поступают. То завинтят, то отвинтят...»

Процесс «завинчивания» и есть переход к политике абсолютизма. Демократизма Хрущева после XX съезда хватило года на два, на три. Думаю, вряд ли он читал «Государя», но крестьянским своим крепким умом дошел до сформулированной Макиавелли и отмеченной Сталиным несложной мысли: «То, что хорошо в одно время, может быть дурно в другое». Дух демократии, который он выпустил на свободу (хотя и на недлинном поводке), стал досадной помехой управлению обществом методами диктата.

О противостоянии демократии и авторитаризма партии и ее лидера, на который Хрущев и не подумал посягнуть в своем знаменитом докладе XX съезду, громко напомнили венгерские события 1956 года. И почти сразу после них начали работать соответствующие статьи Уголовного кодекса, а чуть позже и на слишком раскричавшийся роток интеллигенции был брошен платок. И в экономике Хрущев начал действовать по своему властному разумению, ломая, строя, снова ломая...

Хрущев был уверен, что он любим страной. Предполагаю, он даже знал о том, что в народе ходило немало анекдотов о нем, но, припоминая какие-то из них, должен сказать, они были добрые, а не злые. Люди и впрямь относились к Хрущеву с симпатией, хотя и поносили его, не выбирая выражений, за вселенское кукурузосеяние, за «осовнаркование» страны и прочие сомнительные новации. Думаю, что многие из окружения Хрущева не могли не понимать нелепости, а порой и смехотворности подобных деяний, но, выдвигая или поддерживая их, тем самым строили свою карьеру. К тому же 30 лет сталинского абсолютизма приучили: когда говорит Государь, вассалы молчат. Система! Она в принципе не была преодолена и, несмотря на развенчание культа Сталина, культ Хрущева старательно создавала. Помню, какое негодование вызвало совмещение им двух постов — главы Правительства и Первого секретаря ЦК. Ведь и за это он громил Сталина. Как говорится, башмаков еще не успел износить, а все стало возвращаться на круги своя. А глупое «наш дорогой Никита Сергеевич» так и не было им пресечено. А звезды героя?..

Система, в конце концов, безжалостно съела своего лидера, не посоветовавшись, как говорится, с народом. Прошу прощения за обилие цитат из «Государя», но как здесь не вспомнить об этой книге, как не пожалеть, что Никита Сергеевич не прочитал вовремя хотя бы такую строчку, подчеркнутую Сталиным: «Если честный человек станет рассчитывать на народную привязанность и станет думать, что народ вступится за него в случае его преследований врагами его или правительством, такой расчет часто оказывается ошибочным». Так и вышло...

Брежнев, как известно, тоже начинал с легких демократических веяний в политике, косыгинских реформ в экономике, но затем привел в итоге народ и страну к жесткому идеологическому прессингу и экономическому спаду.

Конечно, самого Брежнева уже трудно назвать дикта-

тором. Но диктатура партии при нем не прекращалась ни на секунду. Я уже писал, что в стране существовали словно бы две партии. Одна — многомиллионная — жила по своим законам, которые диктовали окружающая жизнь, человеческая совесть и нравственность. Она, эта многомиллионная партия, умела верить в чудом сохранившиеся с 20-х годов идеалы. Умела работать, если ей не мешали бездарные кампании сверху, да и если мешали, тоже умела, вопреки им. Говоря об этой партии, я, конечно же, имею в виду ее членов — рабочих, крестьян, инженеров, научную и творческую интеллигенцию. Вторая партия, числом куда поменее, состояла из людей, выбравших себе профессию партфункционера. Кстати, многие яркие представители этой «партии верхов», поменяв цвет знамени и идеологию, сегодня вновь стали у руля власти. Так вот, Брежнев был не «верным ленинцем», как его льстиво называли творцы очередного культа личности, а верным сыном именно этой всесильной «партии чиновников». Что же касается Андропова, то я достоверно знаю его замыслы лишь в области экономики. Он слишком рано ушел из жизни. Ну, а о Черненко как о реформаторе вообще говорить не приходится. Дальше пришел Горбачев... Он, конечно же, был порождением системы, она его создала, выпестовала, сформировала.

В своей книге я немало места отвел его личности, поскольку прошел с ним нелегкий путь преобразований с 1983 по 1990 год. Как же легко теперь упрекнуть меня в мстительности! Еще бы, ведь это с «легкой руки» Горбачева, а вернее, с его молчаливого попустительства, с его удивительного нежелания защищать кого-либо из своей команды от нападков справа и слева меня и возглавляемое мной Правительство начали целеустремленно и талантливо травить, а потом и вовсе «съели» — не без согласия того же Горбачева. Но прошу поверить мне на слово: я никому никогда не мстил. Не умел и не умею. Не знаю, как это делается. Полагаю, те, с кем я работал на заводе, в министерстве, в Госплане, в ЦК или Совмине, без колебаний подтвердят это мое качество.

Все, что написано здесь, выношено и выстрадано мной не за время после моего ухода с работы, но за все годы перестройки. Я не копил обид и не выплескивал их на страницы книги. Просто, как обещал, я честно анализирую ошибки — свои и соратников, просчеты — свои и соратников, и, конечно, большие и малые предательства того, что было задумано в далеком 1983 году.

Сейчас говорят, что «архитектором перестройки» был Горбачев. Правда, в последние два-три года настойчиво утверждают, что у нас был еще и «прораб перестройки». На мой же взгляд, это был «прораб разрушения». Думаю, в этом качестве он и войдет в историю. Истинным же автором и архитектором перестройки была История. Но сама по себе она безлика. Ее лицо — люди, которых она выдвигает на авансцену и дает им право говорить и поступать от своего имени. В 1985 году она выдвинула вперед Горбачева, и с той поры все события в стране, когда-то именовавшейся Советским Союзом, связаны главным образом с его именем. И счет за них и за их последствия потомки будут предъявлять не кому-либо, а именно Горбачеву — такова уж привычка у Истории: свалить все на конкретную личность, приписать ей победы, поражения, просчеты, удачи — все...

Перестройка — часть нашей истории. Она началась и завершилась, вернее, скончалась, ибо до реального завершения оставалась... вечность: перестройка не может иметь конца, как и любой прогресс. И книги о ней напишут. И анализировать ее будут, а значит, потребуются оценить и роль Горбачева в ней. Так пусть и мои свидетельства и размышления помогут в этом.

У меня было время тщательно и беспристрастно проанализировать все годы перестройки, проследить шаг за шагом действия руководства страны и ее лидера. И я пришел сейчас к твердому выводу: Горбачев по натуре, по характеру не мог быть подлинным главой государства. Не обладая необходимыми для этого качествами, он вообще не любил принимать властные решения, предпочитая долго обсуждать их, охотно выслушивал множество мнений, спорил и при этом легко и с охотой уходил от принятия окончательного решения, растворяя свои «за» и «против» в хитросплетении слов. Он никогда не брал на себя вину за ошибочность того или иного решения, скрываясь за якобы существовавшую коллективность, коллегиальность его принятия. Но она была лишь в первые перестроечные годы. А немного позже за коллегиальность приходилось уже и драться. Однако и в первом, и даже во втором случае способность и готовность взять на себя личную ответственность за принятие и осуществление решений должны быть неотъемлемыми качествами подлинного лидера. У Горбачева, к сожалению, они отсутствовали начисто.

Многие, даже неплохо знающие Горбачева, не могли часто толком разгадать его действия, его лавирование, бро-

ски, мельтешение. Он был способен длительно и убедительно говорить о тех или иных проблемах, легко и просто чувствовать себя в любимой стихии полемики. Я назвал бы его проповедником перестройки. Он в полной мере обладал чертами именно проповедника. А политик и проповедник в одном и том же человеке органично сочетаются далеко не всегда. Политик просто обязан уметь власть употребить, иначе он ее потеряет. У меня на столе лежит книга Петра Аркадьевича Столыпина «Нам нужна великая Россия». Этот российский реформатор считал: только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей.

Горбачев — задолго до всех отечественных парламентских игр — по природе своей был деятелем именно этого парламентского типа. Как такой мог сформироваться в партийно-чиновничьей системе, шут его знает. Но сформировался, хотя со студенческой юности прошел по всем ступенькам традиционной карьерной лесенки: комсомол, партия... Компромиссный характер его натуры перерастал нередко в беспринципное соглашательство — лишь бы проскользнуть между противоположными силами, потрафить тем и другим, совершить очередной популистский маневр. И все это — во имя главной цели сохранения себя на Олимпе власти, даже если она в результате такой политики становилась все более номинальной.

Но это — лишь одна сторона проблемы. Вторая, и тоже им до конца не осознанная, состоит в том, что ослабление любой ветви власти неизбежно приводит к угасанию ее в целом. В частности, любой парламентской структуре должна противостоять сильная исполнительная власть. Заметьте: не диктаторская, но исполнительная.

Горбачев же своей любовью к популистским играм то и дело ослаблял государственные исполнительные структуры, лишал их реальной власти. Он не скрывал своей неприязни к ним. Их действия у него вызвали, мягко говоря, изжогу. Вспомните его доклад на XIX Всесоюзной партконференции, где он недвусмысленно противопоставлял министерства регионам.

А его поездки по Красноярскому краю с явным подстрекательством против своих же государственных структур: «Вы их — снизу, а мы — сверху!» Вольно или невольно, но он спровоцировал появление десятков оппозиционных Правительству сил в виде всяких партийных течений, депутатских групп и группочек, да и сам легко втягивался в

бесконечное, бессмысленное «словоговорение», не желая понимать, что любой возвышенно-теоретический спор ради спора в условиях политического цейтнота — это смерть страны и власти в ней, в том числе его собственной.

Сидя в двух креслах — Генсека и Президента, — он постоянно шел на мелкие и не очень мелкие уступки то «правым», то «левым», балансировал на лезвии бритвы. Мне казалось иногда, что, поставь его на твердую почву, где такое искусство излишне, он не сможет идти, — настолько он привык к этому балансированию. Помните, я писал о его яростных возражениях тем, кто требовал четкой, конкретной программы действий? В том-то и дело, что он ее не имел и иметь не хотел. Его вела импровизация, а она всегда подвержена влияниям со стороны.

Мне было трудно, потому что я верил не наитиям, а, как говорится, «алгебре», которую создавала мною же подобранная команда истинных специалистов. И плохим бы я был руководителем, если бы хорошо отработанное решение отдавал бы на бесконечные обсуждения, теряя на этом время, темп преобразований. Принимая решения, руководитель должен, по моему глубочайшему убеждению, отставив его до конца. Принципом же деятельности Горбачева был вечный поиск компромисса, а проводить реформы в неизбежно сопутствующих ему метаниях — дело малоперспективное.

Но я начал эти рассуждения с того, что «период Горбачева» не только не опроверг историю авторитаризма в России, а, напротив, продолжил его традиции. Это так. Из всех сил собирая то, что он сам же и разваливал, Горбачев постоянно стремился к абсолютной власти, то и дело требуя для себя, как Президента, «чрезвычайных полномочий». Он получал их, но никогда толком не мог ими воспользоваться. А точнее говоря, это приводило к еще большему разрушению того, что он собирал. Его авторитаризм был, если позволительно такое определение, возвышенно-романтическим. Он пытался держаться «над схваткой», но долгое время понимал ее как всего лишь борьбу мнений, хотя на самом деле все явственнее вставали противоположно направленные и вполне реальные интересы и силы. И те, кто ставил своей целью уничтожение социализма, Советской власти и единого государства, цинично обманывая народ, ловко использовали его растущее недовольство результатами правления Горбачева. И еще об одном. Горбачев не умел, не любил и не хотел слушать других людей, он умел, любил и хотел

говорить, говорить, говорить сам и только сам, топя в потоке слов и зачастую малосодержательных штампованных мыслей то новое, свежее, наболевшее, что хотели донести до него собеседники. Чем это было вызвано — невысоким общекультурным уровнем, самолюбованием, искренней верой в свою мессианскую роль или всем, вместе взятым, судить не берусь. Но, как бы то ни было, это — тоже штрих, характерный для психологии и поведения деятеля авторитарного толка.

В общем, и по объективным, и по субъективным причинам, в эпоху Горбачева, говоря его словами, «процесс пошел» не так, как думалось: от тоталитаризма власть дрейфовала не столько к демократии, сколько к авторитаризму, пока не была вырвана из рук, неспособных ее удерживать.

Перестройка и ее лидер ушли в небытие. Наступила новая эра, пока не получившая общепринятой характеристики. В ходу — и «смутное время», и «сумерки страны», и «постсоциализм», и «посткоммунизм», «постсоветский период» и т. д. и т. п. Точнее всего, на мой взгляд, суть ныне происходящего выражена хорошо известным понятием — контрреволюция, еще точнее — ползучая контрреволюция. Что же изменилось в вопросах власти за это время? Может быть, традиционная для нашей страны логика эволюции претерпела коренные изменения? Может быть, Президент России не пошел по уже проторенному пути? Перебирая в памяти основные события последних лет, я невольно вспоминаю слова царя Соломона: «Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою».

За четыре года российское руководство прошло путь от провозглашенной им демократии до все более откровенной диктатуры. Эта власть громогласно провозглашает, что опирается на народную поддержку в виде различных референдумов и выборов, проводимых, надо добавить, по системе, которая войдет в сокровищницу парламентаризма под названием «абсурд». Еще разок процитирую кусочек из «Государя», отмеченный карандашом «вождя и учителя»: «Тот же, кто получает власть из рук народа, обыкновенно прямо делается самостоятельным, он ни с кем не разделяет власти и не встречает кругом себя никого или почти никого, кто не был бы привычен к повиновению».

Реформы, проводимые нынешней, противоестественной по ее природе властью, которую можно было бы охарактеризовать столь же внутренне парадоксальным термином

«диктатура демократии», многочисленны, скоропалительны, бездумны, противоречивы и чаще всего не соотносятся с нуждами человека. В результате нынешнее положение в стране напоминает известные строки:

В России две напасти:
Внизу — власть тьмы,
А наверху — тьма власти.

Более трех лет в нашей измученной стране идет жесточайшая война. Из сорокалетней холодной мировой войны она, не задерживаясь, вошла во внутреннюю, гражданскую. Если уж давать четкие оценки, то и в том, и в этом случае происходит непримиримая борьба идеологий, борьба капиталистической и социалистической систем. Можно сколько и как угодно прикрывать ее любым фиговым листком, но корни такого противостояния именно в этом. Оно не прекращается ни на один день.

Некоторое затишье возникает лишь тогда, когда «все-народно избранный» находится в отпуске или не может появляться на людях по иной причине. Но и тогда, как в недобрые сталинские времена, нам постоянно представляют все новых и новых «врагов» и «недрузгов», козни которых не позволяют-де в считанные месяцы привести страну в светлое капиталистическое завтра. Народ же должен быть все время в напряжении — не дай Бог успокоится и трезво разберется во всем. Целый сонм приближенных составляет режиссуру боевых действий, разрабатывает стратегию и тактику, подводит под это «теоретическую» основу. Некоторая часть из этих людей прозрела, поняла, в какую компанию попала, что она делает со страной и народом. Такие люди немедленно переводятся из разряда передовых реформаторов в разряд замшелых консерваторов с соответствующими, как говорили раньше, «оргвыводами».

Честные и порядочные люди и сами стремятся побыстрее покинуть президентское вавилонское столпотворение. Но камарилья осталась еще вокруг «престола». Несколько политических мумий из «дембувших» сожгли за собой мосты. Они уже давненько не только поглядывают из-за рубежа на плоды своей работы, но и дают последователям и последышам ценные указания. Показательно в этом отношении выражение одного из них на страницах газеты: «Гайдаровский пинок под задницу России-матушке был весьма полезен». Какой сочный язык и неприкрытый цинизм по отношению к собственной Родине! Правда, эта малопоч-

тенная публика забывает, что те, кто пинает Россию долго и упорно, потом почему-то и костей своих собрать не могут.

Наступление ельцинской реакции (а иначе этот режим и не охарактеризуешь) продолжится и ширится. Остались в советском прошлом отсутствие безработицы, социальная защищенность, национальное и межнациональное согласие, спокойствие в обществе, уверенность людей в своем завтра и многое, многое другое, бывшее предметом нашей законной гордости. Зато народ выучили новым словам — ваучер, приватизация, акция и т. п. А в политический лексикон Президента вошли такие термины, как «артподготовка», «упреждающий удар». О них мы уже стали забывать за почти полвека мирного времени, по крайней мере — не слышали подобного из уст своих лидеров.

С кем же еще недавно восвала президентская команда? С представительной властью, прежде всего, а значит, и с народом, чьи интересы она призвана выражать. И это вместо того, чтобы после завоевания власти хотя бы частично осуществить свои обещания. Обязанность власти — это повышение жизненного уровня народа, разумная внешняя политика, создание условий, при которых люди будут уверены в завтрашнем дне, в том, что их жизнь будет защищена государством от физического и нравственного насилия. Не тут-то было. Ведь для этого страной надо управлять, а как это делать — толком новые «вожди» не знают. А полная некомпетентность по разрушительной силе сродни идиотизму.

Непрерывная баталия против реальных противников и выдуманных врагов не случайна. Она лежит в основе действий нынешней власти с самого начала ее зарождения в 1990 году. Борьбу с центральной властью страны возглавил тогда недавно избранный лидер России Ельцин, и к лету это противостояние резко обострилось. Явная конфронтация руководства России и поддерживающих ее республик с центральной властью очень быстро сказалась на экономике страны, пошедшей вразброд. Предприятия не имели представления, по каким законам им готовиться работать в предстоящем году. Руководителям заводов предлагали выйти из федерального подчинения и перейти под юрисдикцию России, уменьшая за это налоги с 45 процентов до 35. Экономике будущего года грозила опасность развалиться до того, когда будет утверждена какая-то программа перехода на рыночные отношения, определены взаимоотношения Центра и союзных республик и подтверждены правила «экономической игры».

Мощная деструктивная волна накатывалась на страну. Мы это прекрасно понимали. Задача Правительства заключалась в том, чтобы эта волна не опрокинула корабль государства.

Горбачев лавировал. Думаю, что именно летом 1990 года он фактически сдал наше Правительство. Но впереди еще были большие баталии. Рвущимся к власти нужен был государственный орган и человек, на которых можно было бы направить стрелы недовольства народа. К этому времени уже была ясна расстановка политических сил. Забрала были сброшены, все стало называться своими именами. Оппозиционные силы получили в свои руки руководство в ведущей республике страны — России. Развернулся этап острой политической борьбы, особенностью которой как раз и являлась быстро растущая напряженность во взаимоотношениях между российской и центральной властью.

В это время на брифинге для советских и иностранных корреспондентов, проведенном Р. Хасбулатовым и В. Ярошенко (это он в качестве торгпреда сегодня развивает торговлю с Францией) в Верховном Совете России, впервые на высоком политическом уровне было указано, что РСФСР готова взять на себя, по сути, ответственность за обязательства СССР, а значит — стать его политическим правопреемником. Реакции на это заявление не было никакой, что свидетельствовало о полной капитуляции и Президента, и Съезда народных депутатов, и Верховного Совета страны.

Нужно сказать, что в последние месяцы 1990 года сложился своеобразный политический треугольник: Горбачев — Рыжков — Ельцин. Своеобразие обстановки в то время состояло в том, что Ельцин пользовался поддержкой неформальных движений, но по существу не имел гарантированного большинства в Верховном Совете республики. В то же время Рыжков представлял союзную исполнительную власть, опирающуюся на большинство в Верховном Совете СССР. Столкновение центральной исполнительной власти и руководства ведущей республики давало возможность Президенту страны занимать выгодную для него позицию, положение арбитра между ними, не допуская «совпадения» политического образа верховной власти ни с Рыжковым, ни с Ельциным.

Можно было сделать вывод, что лидеры Верховного Совета РСФСР и определенные политические силы, проводившие целенаправленную антиправительственную, а по существу антисоюзную кампанию в течение нескольких

месяцев, стремились заменить такую расстановку трех политических сил, выгодную для Горбачева, гораздо менее выгодным для него альянсом Горбачев—Ельцин. Зная того и другого, я был убежден, что все это — лишь тактические шаги, направленные для устранения с политической арены третьей силы в лице главы Правительства СССР. Уже тогда было очевидно, что такой союз заведомо непрочен, что один из «союзников» при первой возможности сбросит другого. В этой новой для Президента СССР ситуации его классическая политическая игра, проводимая им в течение всего периода перестройки, обесценивалась. Взамен этого ему навязывалась так называемая «дружба», всегда крайне неустойчивая в вопросах большой политики, а уж тем более — замешанная на личной ненависти.

В то время главная цель Ельцина и его команды состояла в том, чтобы удержать политические позиции и максимально сконцентрировать в своих руках ресурсы, финансы, внешнеэкономическую деятельность, то есть переместиться с республиканского экономического поля на поле общесоюзное. Конечно, Правительство страны понимало, что такое перемещение невозможно без вытеснения с этого поля всех политических конкурентов.

Первоочередным в реализации этой задачи являлся сброс Правительства СССР как лидерской структуры с возложением на него всей ответственности за экономические неудачи последнего года, в основном нашими антиподами же и спровоцированные. С этой целью в общественное мнение и начала внедряться идея формирования нового политического блока — блока двух президентов, Горбачева и Ельцина. Дело представлялось таким образом, что двум «прогрессистам» в этом новом политическом раскладе противостоит «консерватор» Рыжков. Действительная же цель такого демарша состояла в том, чтобы «переместить» на общесоюзное поле — для начала — исполнительную структуру России.

Уже тогда было достаточно ясно, что после закрепления на «политическом плацдарме» неизбежно возникнет необходимость переместить на общесоюзное поле и законодательную власть России, разумеется, вместе с ее лидером. Следующим же и заключительным шагом будет сброс самого Горбачева. О последовательности таких шагов ему было сказано не раз. Последний разговор на эту тему состоялся, как я уже писал, в начале декабря 1990 года. Мой прогноз, увы, оказался правильным.

А пока в ходе политических манипуляций Горбачев все больше и больше утрачивал позицию высшего арбитра, становился заложником команды Ельцина, двигаясь к своему краху и ведя за собой все великое государство. Наступит момент, когда он останется один, зажатый со всех сторон, образно говоря, в «политические тиски».

Такой расклад сил был во второй половине августа 1990 года, за неделю до совместного заседания Президентского совета и Совета Федерации.

К сожалению, сражение на этом заседании нами было проиграно. С этого дня началось тотальное наступление на общесоюзное поле. Наши прогнозы полностью подтвердились. Рвущиеся к власти настойчиво брали в объятия Горбачева, и все делалось для устранения Правительства и его Председателя. Мне до сих пор не ясно, неужели он считал, что сдача Правительства стабилизирует обстановку? Или сработал самый примитивный инстинкт самосохранения? Любому мало-мальски разбирающемуся в политике все ведь видно было. У этого человека не хватило мужества противостоять разрушительным силам. А с потерей мужества кончается все.

Наступила бурная осень 1990 года. Изнуряющие дебаты в Верховном Совете СССР; решение парламента России об отставке Правительства СССР: только один против и 16 воздержалось; шквал критики в средствах массовой информации, финансирование которых осуществляло наше же Правительство. (Обратите внимание на это обстоятельство: сейчас Правительство России подкармливает только верно-подданнические газеты. И этого даже не скрывают в нынешнее «демократическое» время.) Началось генеральное наступление на Правительство страны.

Вспоминая ту осень, невольно задаешь себе вопрос: что же происходит с политическими деятелями? Что это — традиционная эволюция власти, о чем я только что писал, или полная их безнравственность и цинизм? 16 сентября 1990 года на бывшей Манежной площади состоялся митинг. В виду ограниченного объема книги я не могу процитировать выступления ораторов. Но передо мной лежит сохранившаяся листовка-приглашение согражданам. Прочитую только некоторые ее лозунги — и будет все ясно:

«Народ устал ждать. Решительные перемены — немедленно!»

«Рыжковское правительство народной нищеты — в отставку!»

«Программа «500 дней» — программа для народа!»

«За порядок в городе!»

«Моссовету и Ленсовету — нашу поддержку!»

Далее цитирую:

«Участвуют: Ю. Афанасьев, И. Заславский, Т. Гдлян, А. Мурашев, Г. Попов, А. Собчак, С. Станкевич, Г. Якунин. Приглашен Б. Н. Ельцин.»

Я не буду давать характеристики этим людям, они себя достаточно показали в дальнейшем. Некоторые стали мэрами, главными столичными полицмейстерами, ведущими советниками вождей, воинствующими расстригами. Эти красnobаи напрочь забыли свои речи и лозунги, обещания обманутому народу.

Заканчивая главу, скажу, что одной из «козырных карт» российских тартюфов была анафема беззакониям прошлого. Ведь действительно демократическая власть всегда ассоциируется с порядком, а порядок — с законом, с его строгим соблюдением. Но скажите: о каком порядке в стране может идти речь, если нынешняя власть чудовищно незаконна с самого момента своего рождения? Суверенитет и законы части — России — выше суверенитета и законов целого — СССР. Циничное поправление тремя людьми в Беловежье воли почти 300 миллионов человек и уничтожение тысячелетнего государства. Расстрел парламента. Известная всему миру сомнительность результатов голосования по навязанной обществу Конституции. Война в Чечне. Это — только некоторые из общеизвестных фактов.

Я попытался показать в этой главе, как страна, стремясь уйти от одной диктатуры, сползла к другой, «демократической». И меня могут спросить: так вы считаете, что в нашей стране демократия обязательно должна перерождаться в авторитаризм? Это что — наша национальная особенность? Нет, конечно! Но, к сожалению, те ростки демократии, которые появились в ходе перестройки, в последние годы оказались поправленными. По существу, мы все больше возвращаемся в наше далекое антидемократическое прошлое. И все же я надеюсь и верю в то, что наша страна придет к нормальной демократии, создав такую систему народовластия, которую не сможет преодолеть и разрушить никакой новоявленный претендент в диктаторы.